

HALINA WASZKIELEWICZ

Uniwersytet Jagielloński, Polska

halina.waszkielewicz@uj.edu.pl

Пацанские рассказы Захара Прилепина. Новый автор, новый герой

Захар Прилепин — молодой, известный и интригующий писатель. В возрасте всего 34 лет он успел уже издать несколько пользующихся успехом и отмеченных наградами книг. С 2004 года (дебют) писатель опубликовал три романа: *Патологии* (2005)¹, *Санька* (2006)², *Грех* (2007)³, и сборник рассказов — *Ботинки полные горячей водкой. Пацанские рассказы* (2008)⁴. Он пишет также стихи.

Перечисленные произведения пользуются популярностью не только у читателей, но и критиков. В течение неполных пяти лет (2005–2009) Прилепину шестнадцать раз присваивались награды, причем шесть раз — «золотой» пробы. Из наиболее престижных наград следует отметить признание писателю Российской литературной премии «Национальный бестселлер 2008» за роман *Грех*. В свою очередь, *Санька* получил награду «Ясная Поляна», а в Китае его провозгласили лучшим иностранным романом⁵.

Патологии известны, в частности, благодаря тематике войны в Чечне, в которой сам автор участвовал в 1996 и 1999 годах⁶. Тематика романа *Санька* также отличается новизной, поскольку описывает деятельность анархистских молодежных движений⁷. Многие сравнивают потенциал *Саньки* с романом Максима Горького *Мать*.

¹ Четыре издания (данные: май 2009).

² Три издания (данные: май 2009).

³ Два издания (данные: май 2009).

⁴ З. Прилепин, *Ботинки полные горячей водкой. Пацанские рассказы*, Москва 2008.

⁵ В 2006 г. роман *Санька* вошел в шорт-лист «Русского Буккера» и премии «Evgika».

⁶ Прилепин был там капитаном спецназа в подразделениях ОМОНа.

⁷ Э. Лимонов сожалеет, что Прилепин его опередил, ему совестно, что не он написал такую книгу. См. www.zaharprilepin.ru [Отзывы] (14 ноября).

Причин популярности Прилепина, несомненно, много, и об этом будет еще идти речь. Для начала же следует отметить, что легко вызываемые ассоциации между личностью автора и его героями способствуют этому, вероятно, в большой степени.

Прилепин занимает видное место не только в современной литературе — он ведущий на телевидении, колумнист во многих престижных журналах⁸, издал два сборника фельетонов: *Я пришел из России* (2008), *Terra Tartarara. Это касается лично меня* (2009). Существенным является также факт, что с 1996 года Прилепин является членом и активным деятелем делегализированной Национал-большевистской партии.

Стоит также указать, что Прилепин, издав книгу *Именины сердца. Разговоры о русской литературе*, позиционируется также как тонкий знаток, организатор и комментатор текущего литературного процесса⁹.

Итак, перед нами очень молодой писатель, критик, телеведущий с богатым жизненным опытом, молниеносно приобретший известность, активный на литературном и общественном поприще, прекрасно функционирующий в медиапространстве¹⁰.

Из материалов сайта в интернете можно узнать, что он родился в 1975 году в деревне Ильинка Рязанской области, по образованию филолог¹¹, по профессии — журналист и писатель. Живет в Нижнем Новгороде, женат, у него трое детей¹².

Все эти биографические данные накладывают свой отпечаток на его творчестве и нуждаются в отдельном комментарии, все они также отражены в серии рассказов, выбранных в качестве предмета данного обзора.

Прежде всего, стоит обратить внимание на название и обложку. Название интригует, поскольку трудно соотнести ботинки с водкой, тем более, горячей.

Интригующее название, портрет автора на обложке, профессиональное продвижение очередных книг в России и за рубежом свидетельствуют о том, что Прилепин умеет себя продать, не забывая о, возможно, главном

⁸ «АП» «НаЗлобу.ру», «Аргументы и факты», «Большой город», «Генеральная линия», «Лимонка», «Гламур», «День литературы», «Завтра», «Известия», «Крупный план», «Независимая газета» — «ExLibris», «Огонек», «Политический журнал», «The New Times», «Коммерсантъ Weekend».

⁹ З. Прилепин, *Именины сердца. Разговоры о русской литературе*, Москва 2009.

¹⁰ Доступности писателя в медиапространстве очень способствует профессионально оформленный интернет-сайт. Тот, кто хотел бы написать о нем работу, найдет на этом сайте готовый материал в форме фрагментов текстов, хронологического перечня, биографической заметки, фельетонов, критических высказываний, репортажей, фотогалереи, видеоматериалов и т.п.

¹¹ Филологический факультет Нижегородского государственного университета.

¹² Трудно определить, является ли псевдонимом имя и фамилия Захар Прилепин или нет. Сам писатель уверяет, что нет, другие источники указывают на то, что его настоящая фамилия Лавлинский Евгений Николаевич.

постулате коммерции: что бы ты ни продавал — ты продаешь себя. Оставаясь в кругу той же стилистики, стоит заметить, что Прилепин продает очень привлекательный товар. Речь идет, прежде всего, о самой личности автора, по которой соскучилась современная литература. И немаловажен факт, что последнее книжное издание фельетонов Прилепина под названием *Terra Tartarara* сопровождается подзаголовком: *Это касается лично меня*, который, кстати, вместе с названием заполняет всю обложку.

А что касается продажи самого себя, то можно отнестись к этому дословно, поскольку изображение Прилепина запечатлено на обложках трех его книг, как спереди, так и сзади. Мы видим на них молодого, высокого, хорошо сложенного, лысого мужчину с выразительными чертами лица, высоким лбом, большими голубыми глазами, сильным, прямым носом и выпуклыми губами, зачастую с неразлучной сигаретой¹³. Нельзя не обратить внимание также на то, что Прилепин носит с пренебрежительным изяществом, как манекенщик, довольно стильную и соответствующую обстоятельствам одежду. Имиджу писателя стоит уделить столько внимания, потому что, во-первых, автор сознательно его создает и сознательно им пользуется, а во-вторых, в его творчестве, в том числе и в цикле *Пацанские рассказы*, манифестируется существование определенной модели мужщины, свободной от маскулизма и мачизма. Героизация мужского персонажа, как можно предположить, также предопределяет привлекательность и самого автора, и его *Пацанских рассказов*¹⁴.

В нем присутствовали черты, которые так симпатичны мне в людях мужского пола: он был совершенно равнодушен к деньгам, мог сорваться и приехать на помощь в любое время дня и ночи, никак не выказывал больного и суетливого интереса к женщинам и никогда о них не говорил.

Он равно не был похож ни на похотливых сынов Востока, ни на недавнюю породу русских мужиков, которые только так и думают о себе как о натуральных мужиках, с двумя тяжелыми «ж» посередине. (10)

В эпоху наступления женской прозы «пацанская» проза Прилепина, однако, не оппонирует ей и даже как будто о ней и не знает. Определения «пацан», «пацанва» не относятся в сборнике рассказов исключительно к возрасту, ассоциируемому с подростками, юнцами, молокососами, малолетками, а касаются более широкой категории — парней и молодых мужчин. Назвать кого-то пацаном, по существу, означает признать его «нашим, из нашей компании, своим». Ибо модель мужественности, созданная Прилепиным, основывается на мужской общности, на мужской солидарности.

¹³ Здесь сразу же на ум приходит фотография Маяковского 1929 года в объективе А. Родченко, если бы не тот факт, что семейные фотографии свидетельствуют об удивительном сходстве Прилепина с отцом.

¹⁴ З. Прилепин, *Ботинки полные горячей водкой...* Далее ссылки на это издание, страница указана в скобках после цитаты.

Эту общность представляют три парня: Валеку, его друг Рубчик и безмянный младший брат Валька, рассказчик, для которого два старших парня являются, как это часто бывает, авторитетами и образцами для подражания. Среди одиннадцати рассказов, вошедших в сборник, пять посвящены Валеку, Рубчику и анонимному рассказчику, присутствующему во всех без исключения произведениях. Действие происходит в 80–90-е годы прошлого века в деревне, а также в провинциальных городках. Художественный мир произведения представлен как бы с двойной перспективы: первая возникает из разницы в возрасте между самым младшим из парней и его старшим братом, Валеком, и приятелем брата, Рубчиком, другую формирует временная дистанция между состоянием мальчишества и его описанием. Скорее всего, в этом случае мы сталкиваемся с определенной ностальгической идеализацией, когда прошедшее время воспринимается как состояние счастья, поскольку мальчишество представляется как состояние единства между человеком и миром («огромная радость мира [...] сделала нас хорошими»):

Выпивая или не выпивая, мы что-то рассказывали друг другу о себе, с такой ласковой добротой, с таким нежным вниманием — подобное, помню, было только в пацанском возрасте, когда [...] мы шли с [...] товарищем по нестерпимо красивому лугу, и огромная радость мира¹⁵ чуть ли не в последний раз сделала нас хорошими, честными, веселыми, совсем-совсем не взрослыми. (11)

Стоит здесь обратить внимание на присутствие рассказчика, обладающего даром повествования о своих эмоциях, а это позитивные эмоции и даже в чем-то не совсем маскулинные («ласковая доброта», «нежное внимание»). Яркий мужской герой, обнажающий пласты своей психики, причем, и те, которые традиционно приписываются женской чувствительности, ищущий счастья и удовлетворенный — это тип, который давно не встречался в русской литературе. Говоря без обиняков, Прилепин создает нового положительного героя, и популярность их обоих (автора и героя), вероятно, можно также объяснить этим фактом.

Следует еще раз подчеркнуть, что в *Пацанских рассказах* не рассматриваются вопросы созревания — произведение являет собой описание состояния мальчишества и молодости. Описание отрочества обнажает пласты беззаботности, жизненных сил, подростковой энергии, размаха, которому далеко до взрослой логики и благоразумия. Это явление можно обнаружить в произведениях *Пацанский рассказ*, *Блядский рассказ*, *Смертная деревня*. В последнем рассказе, забавном и смешном (завсегдатай тюрем впадает в панику, вспоминая слухи о дурной славе деревни), мы сталкиваемся с описанием жестокого избиения, которое парень мимоходом и бесстрастно вспоминает спустя годы:

¹⁵ Если не указано иначе, подчеркнуто мной — Х.В.

Отец меня часто бил, но в тот раз я подумал, что не выживу. Сознание потерял. Очнулся — мать стоит неподалеку и тоже бровью не ведет. Меня водичкой поили, приподняли, и тут дед папашу сменил. Поленом херачил прямо по спине. (166)

Оставляя все обстоятельства, можно задаться вопросом, что именно приводит в действие этот звериный, совершенно первобытный, архаичный страх. Действие в рассказе происходит в 60–70-е годы XX века. Открытие архаичных пластов человеческой психики не единожды ставится Прилепиным в центре внимания.

Предвосхищая дальнейшие выводы, стоит сказать, что Прилепина интересуют механизмы, движущие человеком и действительностью. Большое внимание уделено натуре. Человек представляется как располагающий независимым от себя и чаще всего неосознанным самим собой даром. Итак, герой, от имени которого ведется повествование, очень часто указывает на звериную природу отдельных персонажей, и в этом сравнении скрыт апофеоз естественности. Так обстоит дело, когда речь идет о некоем сравниваемом с неграми Славчуке. Негры названы зверями, «покрытыми крепким мясом» (40), а Славчук «был родственной этим мрачным чернокожим певцам породы: бугры мышц, сильные скулы, четкие ноздри, [...] чуть вывернутые губы, [...] девушки вокруг» (41).

Подобным образом представляет рассказчик солдата по прозвищу Примат (*Убийца и его маленький друг*). Примитивная жажда кровопролития этого забияки соревнуется с его героизмом, за которое он платит жизнью. Здесь, конечно, возникают ассоциации с героями Исаака Бабея, примитивными и героическими одновременно.

Характерно, что рассказчик, будучи участником описываемых событий, служащий с Приматом в одном отряде в Чечне, не применяет к нему традиционных нравственных образцов, а словно говорит: люди разные, а этого таким создала природа:

Откуда-то я знал, что Примат наделен богатой мужскою страстью, больше меры, семени в нем было не меньше, чем желанья пролить чужих кровей, пролил одно, вылил другое, все в порядке, все на местах. (137)

Примат должен доминировать, то есть, убивать других и воспроизводить себе подобных. Чрезмерность и щедрость не обделившей его ни в чем природы выражается также в его бескорыстной заботе о своих — он погибает, вынося приятеля из-под обстрела. Стоит еще раз подчеркнуть, что в сравнении героев с животными нет осуждения — напротив, рассказчик любуется видом породистых супругов и не скрывает, что мысль о возможной эротической близости поссорившихся мужа и жены вовлекает его — как будто раньше их самих — в участие в предстоящем:

«Придут домой и [...] все у них поправится сразу», — подумал я лирично, сам чуть возбуждаясь от вида этих двух, древними запахами пахнущих зверей. (137)

Существенным представляется то обстоятельство, что Прилепин в своем творчестве освобождает сексуальность от культурных схем, от традиционного деления на возвышенную любовь и низменный секс. Сексуальность появляется у него как радостная жизненная сила природы, как элементарная потребность человека, удовлетворяемая так же, как и голод. Примером может послужить рассказ *Собачатина*, который, кстати, можно соотнести с выработанным якобы эволюцией правилом взаимоотношений между полами, сформулированным как «секс за мясо». Угощенные шашлыком и самогоном девушки приглашают троих друзей в женское общежитие. Поход захмелевших парней заканчивается таким образом, что только один из них, Валик, остается на поле боя и, как можно догадаться, сам удовлетворяет потребности всех трех девушек, на что рассказчик намекает очень деликатно:

Всю ночь мне снилось, что я плыву, и мачты скрипели неустанно. (111)

В художественном мире Прилепина мир тесен, человек у него естественен, органично близок к природе и вещам, и природа, и вещи близки человеку, они персонифицируются или анимализируются. Прилепин, подобно Бабелю, украшает пестрящее вульгаризмами повествование, близкое сказу, короткими, нередко поэтизированными метафорами, касающимися природы и материального мира, — всего одно-два предложения:

И солнце болит и держится косо, как вывихнутое плечо... (180)

На улице стоял вялый, словно похмельный, еле теплый август. (21)

Братик открыл дверь, и в нашу почивальню, как рыбы, хлынули обильные звезды. (159)

На улице мы застали дождь, и я размазал его по лицу, а черноголовый поселил в волосах. (121)

День, окруживший нас теплом, гудел шмеливо. (124)

Зачем-то прижимался спиной к деревьям, но не чувствовал их доброты. (152)

Потрогал себя за колено. Колено не спало. (159)

Мимика его лица играла марш. (120)

Водитель сидел на асфальте с голыми ногами. Белые пальцы шевелились, словно узнавая друг друга заново. (37)

Переступал по асфальту, как большая птица. (38)

Михаил действительно был похож на огромного курчавого умного пса, спасателя... (86)

[бутылка — Х.В.] глянула виновато и покачала жидкостью приветливо. (163)

Похлопал по багажнику, как по крупу животного. (187)

Педадь тормоза болталась, как сандалия на ноге алкоголика. (20)

Потолок ничего не сообщал мне. (94)

Во время поворота троллейбус потерял провода и стоял, красивый, красный, размахивая мертвым усом. (13)

Этой взаимопроницаемости человеческого, природного и вещественного миров сопутствует также повышенная способность сочувствия и сопереживания, что принимает в одном из фрагментов весьма оригинальную форму. Находчивость заключается в том, что герой, лицо которого ошупывают чьи-то пальцы, воспринимает ощущения не через свое лицо, а через эти чужие пальцы:

Кто-то присел на мою кровать, потрогал щеки. Неизъяснимым образом я почувствовал себя хозяином не щек, но пальцев — и тонкие пальцы эти ощутили брезгливость от неприветливого холода пьяного бедного мужского лица.

Рука исчезла — и я остался один. (111)

Валик и его сподвижники интересны также тем, что они пытаются обнаружить тайны межполовых отношений и свести их к основным, абсолютным истинам, санкционирующим неразрешимые якобы противоречия:

Мужчины думают, что женщин интересует секс. А женщин интересуют мужчины... Женщины думают, что мужчин интересуют женщины. А мужчин интересует секс... На этом межполовые различия заканчиваются. Когда-то я не знал этих смешных истин и был несчастен. (60)

Если не ошибаюсь, Прилепин нигде не описывает сцены сексуального насилия. Удивительно, что проститутка может оказаться (например, в произведении *Блядский рассказ*), вопреки стереотипному представлению, деликатной, нежной, веселой молоденькой девушкой, способной освободить в наблюдателе романтическую тоску по женщине.

Во всех одиннадцати рассказах повествование ведется от первого лица, но в действительности мы имеем дело с двумя наблюдателями. Один из них помоложе, другой постарше. Тот, который постарше, — более рефлектирующий, он тоже напряженно ищет ответы на наболевшие жизненные вопросы, в том числе на вопрос о том, как относиться к любимой женщине. Он приходит в выводу, что жену следует любить, как дочку, т.е. любить безусловно.

Такой безусловной любовью любит герой свою жену и это, кажется, современное воплощение мифа о Прекрасной даме, который когда-то так трагически завершился для Александра Блока из-за разлада жизни с идеалом. Такого разлада нет у героя рассказов Прилепина, он предан любимой, любимой является жена, обожаемая, единственная:

Очарованно смотрю на ее шею утром, на висок [...] Она так дышит, как будто я молюсь. (188)

Давно не было в русской литературе столь трогательного гимна супружеской любви. Давно не было писателя, который бы находил столь поэтические и емкие слова для описания, например, присутствия мужа при родах жены:

когда приходила пора дать жизнь моему крику в тебе: всех наших детей мы рожали вместе. (184)

Стоит обратить внимание еще на один фрагмент (из рассказа *Жилка*), который очаровывает умением Прилепина говорить о любви, где поэтичность не сторонится телесности¹⁶:

Мы лежали лицом к лицу, переплетенные руками и ногами, щека ко лбу, живот к животу, лодыжка за ляжечку, рука на затылке, другая на позвонке, сердце в сердце. Мы так спали всю ночь, месяц за месяцем. Если б нас решили разорвать, потом бы не собрали единого человека. (8)

Потом [...] еще годы спустя мы совсем перестали прикасаться друг к другу: спали рядом, тихие, как монахи. Но, не в силах выносить эту отдаленность, я всегда, едва она засыпала, еле слышно касался ее ножки своей ногой — знаете, там у пятки, на щиколотке есть синяя жилка? Этой жилкой я цеплялся за нее, единственной и слабой. На этой жилке все держалось, на одной. (13)

О своих чувствах говорит мужчина, который „делает революцию”. Нежность не сторонится революционности. Герой считает себя состоявшимся человеком, и поэтому — в отличие от пролетариата, которому нечего терять и который все должен завоевать, — ему нечего терять, так как у него все было:

«Мне нечего терять, у меня все было, и никто этого не отберет», — сказал я себе. (16)

Открытость и одновременно утонченность, сопутствующие Прилепину, когда он говорит о сексуальности, заставляют вспомнить Владимира Маяковского, который, кажется, первый показал, как мужчина может любить всем собой, то есть, также всем своим телом.

К атрибутам мужчины, описываемого Прилепиным, можно отнести также распитие водки. Здесь, конечно, Прилепин идет по стопам Венедикта Ерофеева, который литературно эстетизировал обычай выпивать, создавая, таким образом, новый топос русской литературы:

Выход из похмелья — чудо, которое можно повторять и повторять, и оно всегда удивляет; ощущения совсем не притупляются. Это, наверное, подобное выходу из пике. Гул в голове нарастает, тупая земля все ближе, настигает дурнота, и вдруг — рывок, глаза на секунду смежаются, голова запрокидывается, в горло проникает жидкость, и вот уже небо перед тобой, просторы и голубизна. (75–76)

¹⁶ Этим рассказом всецело восхитился Гюнтер Грасс.

Однако, за Прилепиным может числиться создание другого нового топоса — топоса счастливого положительного героя. Рассказчик говорит о себе как о «неизменно счастливом» (78), автор также подчеркивает на своем интернет-сайте, что «счастливо женат», а в интервью определяет себя следующим образом: «Ощущаю себя счастливым человеком, который иногда пишет книги»¹⁷.

Zakhar Prilepin — *Boy Stories*. A new author and new protagonist

Summary

Zakhar Prilepin is a 34-year-old writer, critic, social and political activist with a remarkable wartime experience, essay writer and TV presenter, who is highly popular and prospers very well in the media zone. Apart from three successful novels *The Pathologies* (2005), *Sankya* (2006) and *Sin* (2007), he also published a collection of stories which are subject of analysis in the present article. *Boots Full of Hot Vodka. Boy Stories* (2008) is a collection of stories full of brutality, humour, and lyricism, from which a delightfully coherent image of the protagonist and the world emerges. The coherence results for instance from the closeness of the protagonist and the author. The latter says of himself: “I am a happy man who occasionally keeps himself busy writing books.” Prilepin seems to be creating a new topos, absent from Russian literature so far — the topos of a happy man.

Keywords: modern prose, hero, author, story, happiness.

¹⁷ З. Прилепин, *Именины сердца...*, с. 394.